

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ АДО: ЧЕЛОВЕК, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ (1928-1995)

В. П. Смирнов

Новая и новейшая история. 1997, № 1. С.184–209.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

Профессор Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, доктор исторических наук Анатолий Васильевич Адо был выдающимся ученым, талантливым преподавателем и очень привлекательным человеком¹. Его судьбу и созданные им труды – как и труды любого историка – можно понять лишь в связи с судьбой его поколения и его страны.

* * *

Анатолий Васильевич Адо родился 8 января 1928. г. в Казани, в семье преподавателя Казанского педагогического института Василия Ивановича Адо. Согласно семейному преданию, далекие предки Адо были выходцами из Швеции, появившимися в России в петровские времена. От них унаследована необычная для русского человека, но распространенная в Швеции фамилия Адо, которая, правда, пишется там с двумя «д» – Аддо².

В Казани первым поселился дед Анатолия Васильевича – горный инженер Иван Андреевич Адо. Анатолий Васильевич считал его основателем семейной династии и радовался, что его внук назван Иваном в честь своего прапрадеда. В 1896 г. Иван Андреевич переехал из Костромы в Казань, потому что Казань была университетским городом, а Иван Андреевич желал, чтобы его дети учились в университете. В Казани Иван Андреевич создал губернскую службу мер и весов и возглавил Пробирное управление (проверявшее правильность пробы на драгоценных металлах). Это была довольно высокая государственная должность. Ее обладателю полагались казенная квартира, парадный мундир с золотым шитьем, треуголкой и шпагой, хорошее жалованье. Хотя Иван Андреевич происходил из семьи железнодорожных служащих, он благодаря своей должности имел чин статского советника, соответствовавший старинному военному чину бригадира (между полковником и генералом), что давало ему право на личное дворянство и официальное обращение «ваше высочорodie».

В семье Ивана Андреевича росло пятеро детей. Самым младшим из них был Василий – отец Анатолия Васильевича. Семья жила в достатке, нанимала кухарку, горничную и гувернантку. В казенной квартире Ивана Андреевича было пять комнат (да еще две комнаты в мезонине). В гостиной, обставленной мягкой мебелью, с ковром на полу и пальмами в кадках, стоял беккеровский рояль, на котором отлично играла жена Ивана Андреевича – Серафима Николаевна. Музыка, книги, театр были неотъемлемой принадлежностью и потребностью жизни этой семьи и ее знакомых – главным образом казанской интеллигенции. По словам Василия Ивановича, весь бытовой строй семьи «был проникнут русским духом»: в семье гордились тем, что они русские и живут в России, но при этом «в семье всегда был очень силен дух интернационализма и уважение к другим национальностям»³.

Первая мировая война, две революции, гражданская война и послевоенная разруха положили конец благосостоянию семьи Ивана Андреевича. Пробирное управление закрыли; Иван Андреевич лишился жалованья и казенной квартиры; его сбережения пропали, он не мог найти работу. Семья узнала голод, холод, болезни. Дети и родственники были разбросаны по разным городам и долго ничего не знали друг о друге. В 1922 г. умерла Серафима Николаевна, а вслед за ней и Иван Андреевич. К этому времени Василию Ивановичу исполнилось только 17 лет. Он едва успел закончить «единую трудовую школу», преобразованную из бывшей гимназии, и поступить в Казанский педагогический институт. Вместе с ним там училась Александра Михайловна Ефимова, впоследствии ставшая его женой.

Семья Василия Ивановича и Александры Михайловны тоже была семьей интеллигентов, и Василий Иванович недаром дал своим воспоминаниям подзаголовок «Записки русского интеллигента XX века», но, конечно, их жизнь была совсем иной. Само положение интеллигенции в обществе изменилось; она стала массовой, не слишком почитаемой, довольно скромно оплачиваемой⁴.

Еще будучи студентом, Василий Иванович начал преподавать историю в школе, где он раньше учился, и на рабфаке Казанского университета, а затем в Татарском коммунистическом университете, педагогическом и финансовом институтах, в Институте советского строительства и, наконец, с 1939 г. в Казанском университете. Вскоре он приобрел известность как отличный лектор⁵. Любимой темой лекций Василия Ивановича была история Великой французской революции. Второй его излюбленной темой – по ней Василий Иванович вел и научные исследования – являлась история балканских государств,

особенно Болгарии⁶. Местная печать писала о В.И.Адо как о «первоклассном лекторе», совмещающем в себе «и мыслителя, и исследователя, и художника»⁷. Он обладал большим личным обаянием, «особым даром простоты, искренности, готовности помочь другому, делать людям добро»; всегда являлся «примером порядочности, добросовестности, скромности»⁸. Его постоянно окружали ученики, с которыми он сохранял связь и после окончания их учебы, иногда десятки лет.

Василий Иванович прожил долгую жизнь. Он успел отпраздновать свое 90-летие в кругу семьи, учеников и друзей и умер на 91-м году жизни, 21 июля 1995 г., через 20 дней после смерти своего единственного, горячо любимого сына.

Супруга Василия Ивановича – Александра Михайловна Ефимова – происходила из семьи мелких служащих. Она также была прекрасным специалистом, пользовавшимся глубоким уважением своих коллег. Окончив Казанский педагогический институт, Александра Михайловна посвятила себя работе в Государственном музее Татарской республики и одновременно в течение ряда лет вела археологические раскопки поселений волжских болгар под Казанью и Самарой. По словам сослуживцев, ее отличали «ответственность за выполняемое дело, живой ум, чуткость, глубокая интеллигентность, неизменный интерес к современности, обаяние»⁹.

Детские годы Анатолия Васильевича прошли в Казани. Он любил этот волжский город, где жили русские, татары и представители многих других национальностей, где церкви соседствовали с мечетями, где архитектура старого русского губернского города причудливо сочеталась с восточной. Анатолий Васильевич часто вспоминал Казань своего детства: широкую Волгу, песчаные пляжи и сосновые боры по ее берегам, белые и розовые пароходы с гребным колесом на корме, волжские пристани с длинными дощатыми, прогибающимися под ногами сходнями. Его привлекал водный простор, и часто он проводил свой отпуск на воде – на пароходе, на лодке или на байдарке.

Его детство – детство единственного ребенка в семье добрых, любящих, интеллигентных родителей – можно назвать безоблачным, хотя порой родителям приходилось нелегко. В 1936–1937 гг. по обвинению в «троцкистской деятельности» и вредительстве арестовали целый ряд сотрудников Татарского коммунистического университета и Казанского педагогического института, и среди них известного в Казани историка С.П.Сингалевича, который в 20-е годы был школьным учителем Василия Ивановича, а затем работал вместе с ним в пединституте. Василий Иванович на время лишился работы и, по его собственным словам, «чудом избежал ареста»¹⁰. Его вызывали в НКВД, и он, в ожидании худшего, брал с собой узелок с вещами¹¹, но следователи ограничились вопросами о его отношениях с Сингалевичем¹². Толе Адо было тогда всего 9 лет, и скорее всего, он даже не знал о тревогах своих родителей.

В 1936 г. Адо поступил в «опытно-образцовую» школу № 19, где раньше учился и работал его отец, а директором был давний друг Василия Ивановича, прекрасный преподаватель Иосиф Ильич Малкин. Школа была образцовой не только по названию. Там преподавали знающие и любящие свое дело учителя, например учитель истории Надежда Евгеньевна Козырева, которая артистически вела уроки и надолго осталась в памяти своих учеников¹³.

Неизгладимый отпечаток на жизнь того поколения, к которому принадлежал Анатолий Васильевич, как и поколения его родителей, наложила Великая Отечественная война. В первые дни войны ушли на фронт все мальчики из десятых классов школы и все мужчины-учителя во главе с директором И.И. Малкиным. 26 из них погибли. Четыре девушки-отличницы, уже зачисленные без экзаменов на первый курс Казанского университета, взяли обратно свои документы и пошли в армию добровольцами¹⁴. Был мобилизован и Василий Иванович Адо, но на фронт он не попал, а служил в запасных частях¹⁵.

Александра Михайловна осталась в Казани одна с 13-летним сыном. Музей закрылся, археологические раскопки прекратились. Александра Михайловна работала в школе, а в свободное время продолжала обрабатывать музейные коллекции¹⁶. Как почти все семьи того времени, семья Адо жила в постоянной тревоге за близких, нуждалась, недоедала. Чтобы помочь матери, Толя Адо вместе со своим двоюродным братом Юрием, впоследствии известным физиком, нанялся работать возчиком, научился запрягать лошадь и был принят в компанию других возчиков, которые относились к нему, как к взрослому. Одновременно он продолжал учиться в школе и успевал поглощать огромное количество книг из всех доступных ему библиотек.

Позднее Анатолий Васильевич говорил, что еще в старших классах школы он твердо «знал», что будет учиться в Москве, на историческом факультете Московского университета, и займется историей Великой французской революции. Эта революция привлекала его драматичностью, кипением человеческих страстей, могучими фигурами революционеров, которые не щадили ни себя, ни других, по очереди поднимаясь на эшафот. Адо раздобыл вышедший в 1941 г. увесистый том «Французская буржуазная революция 1789–1794 гг.» – коллективный труд советских историков под редакцией академиков В.П.Волгина и [Е.В.Тарле](#) – и с увлечением читал эту вовсе не предназначенную для школьников ученую книгу. В остальном Толя Адо не слишком отличался от других советских школьников, которые вслед за учителями и пионервожатыми повторяли: «Спасибо товарищу Сталину за нашу счастливую жизнь». Прочитав в 1988 г. интервью писателя В.Д.Дудинцева, который до войны

чувствовал себя «дитятей Октябрьской революции» и как бы постоянно носил «незримый пионерский галстук», а по праздникам при виде портрета Сталина, поднятого в небо на воздушном шаре, ему казалось, что «сам бог из облаков смотрит вниз, сам отец родной этих людей, которых при виде портрета охватывал неподдельный восторг», Адо пометил в своей рабочей тетради: «Хорошо о 30-х годах - я тоже так помню это время»¹⁷.

В 1945 г., в год победы над фашистской Германией, Толя Адо окончил школу с золотой медалью и уехал в Москву. Золотая медаль давала тогда право поступать без экзаменов в высшие учебные заведения. Адо был принят на исторический факультет Московского государственного университета и не расставался с ним всю свою жизнь.

* * *

В студенческие годы Анатолия Васильевича исторический факультет Московского университета считался лучшим в СССР высшим учебным заведением исторического профиля. Там преподавали сразу пять академиков, пользовавшихся европейской известностью, и целая плеяда более молодых талантливых ученых, часть которых потом тоже стала академиками. Однако, наряду с ними на истфаке подвизалось немало ограниченных, малоспособных, порой даже не очень грамотных преподавателей. Нередко они приходили в университет с партийной работы или из армии, были далеки от науки и видели свою главную задачу в «идейно-политическом воспитании» студентов и в том, чтобы уберечь «чистоту» марксизма-ленинизма от чуждых влияний. В силу специфики предмета такие преподаватели чаще всего встречались на кафедре основ марксизма-ленинизма, но нередко они попадались и на других кафедрах, в частности на кафедре новой истории, по которой решил специализироваться Анатолий Васильевич. Историческая наука того времени была поставлена в жесткие рамки, о которых многие сейчас не знают или забыли. Все книги и статьи должны были следовать официальной «марксистско-ленинской методологии». В противном случае их просто не печатали, а «идеологически неустойчивым» авторам (был такой специальный термин) грозили серьезные неприятности. Некоторые темы, особенно по истории СССР, были запретными, имена «врагов народа» не упоминались, цитировать их было нельзя. Значительная часть научной литературы хранилась в «спецхране» и выдавалась читателям только по особому разрешению. За содержанием научных трудов тщательно следила не только официальная государственная цензура, замаскированная под невинным названием «Главлит», но и другие инстанции, без рекомендации которых книги и статьи не принимались к печати: кафедры, ученые и экспертные советы, деканаты, редакции, а иногда и партийные комитеты. Кроме того, почти в каждом историке сидел свой внутренний цензор, который заранее забраковывал то, что «не пройдет» в печать, т.е. чаще всего какие-то оригинальные мысли или «опасные» факты. Все книги и статьи по истории, независимо от их содержания, оснащались цитатами классиков марксизма-ленинизма – К Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина и особенно И.В.Сталина, ссылками на решения последнего съезда КПСС, даже если они не имели никакого отношения к теме. Конечно, самыми идеологизированными и политизированными были наиболее близкие к современности работы по новейшей истории, истории СССР и истории КПСС, однако и труды по новой истории, средневековью или античности в той или иной мере тоже следовали обязательным идеологическим и политическим установкам.

Курс, на котором учился Анатолий Васильевич, был первым курсом, набранным после войны¹⁸. Примерно пятую часть его составляли бывшие фронтовики, часто кандидаты или члены партии. Возможность жить мирной жизнью да еще учиться в столичном университете казалась им подарком судьбы. По выражению одного из них, они «дорвались до учебы», стремились овладеть наукой, получить специальность. Вместе с ними учились бывшие школьники, нередко, как и Анатолий Васильевич, приехавшие в Москву из других мест. Многие из них жили в огромном общежитии на берегу Яузы, напоминавшей тогда грязную канаву, на улице Стромынка, в доме № 32, рядом с тюрьмой «Матросская тишина».

Анатолий Васильевич легко и быстро вошел в студенческую жизнь, приобрел новых друзей, много бродил по Москве и хорошо ее изучил, с удовольствием занимался. С утра он уходил в университет, потом в библиотеку и обычно возвращался в общежитие поздно вечером. Впрочем, он вовсе не был аскетом и вместе с друзьями часто бывал в театрах, кино, на танцах, дружеских пирушках и вечеринках. Студенческие нравы того времени, особенно среди друзей Анатолия Васильевича, были довольно строги: карьеристов и «индивидуалистов» осуждали, к девушкам относились романтически, за модой не гонялись. Интерес к нарядам, косметика, маникюр, губная помада считались «мещанством». Большинство студентов жили бедно. Продовольственные карточки едва обеспечивали полуголодное существование. Многие донашивали старое военное обмундирование – свое или родителей, и Анатолий Васильевич сначала тоже ходил в отцовской гимнастерке, шинели и сапогах.

А.В.Адо стал студентом в первые послевоенные годы, когда страна, одержавшая победу в гигантской войне, обескровленная и наполовину разрушенная, с трудом возвращалась к мирной жизни. Советские люди чувствовали себя победителями фашизма, освободителями угнетенных народов, но многие из них, особенно из числа бывших военнопленных, после войны сами оказались в советских тюрьмах и лагерях. В 1945 г. количество заключенных в СССР превысило даже численность заключенных в страшном 1937 и продолжало расти вплоть до смерти Сталина¹⁹, но эти сведения, конечно же, держались в строжайшем секрете.

Культ Сталина – Верховного главнокомандующего, под руководством которого была одержана великая победа, – достиг после войны невероятных размеров. «Величайший полководец всех времен и народов», «гениальный вождь всего прогрессивного человечества», «мудрый» и вместе с тем «родной и любимый» – таким изображала Сталина советская пропаганда.

Для установления полного контроля над мыслями и чувствами советских людей был организован целый ряд крупных политических и пропагандистских кампаний против виднейших деятелей культуры. Такого рода кампании против М.М.Зощенко, А.А.Ахматовой и других писателей (1946 г.), против Д.Д.Шостаковича, С.С.Прокофьева, В.И.Мурадели и других композиторов (1948 г.), против «вейсманизма-морганизма» в биологии (1948 г.), против «безродных космополитов», носивших, как правило еврейские фамилии (1949 г.), против «врачей-убийц», тоже в основном евреев (1953 г.) обычно сопровождалась поисками «соучастников» и просто «подозрительных» с их последующей «проработкой», которая часто завершалась исключением из партии и увольнением с работы, а то и арестом.

На историческом факультете тогда тоже проходили бурные партийные собрания длившиеся порой по несколько дней. Правовверные партийцы, просто карьеристы или трусы, но бывало и настоящие ученые – в силу занимаемых ими партийных или административных постов, а может быть, и по другим причинам – обвиняли виднейших историков в «космополитизме» и «преклонении перед Западом». К «космополитам» были причислены некоторые ведущие преподаватели истфака, в частности профессора кафедры новой истории Л.И.Зубок и И.С.Звавич, известный историограф профессор Н.Л.Рубинштейн, сотрудники кафедры истории СССР И.М.Разгон, Е.Н. Городецкий и сам заведующий этой кафедрой, дважды лауреат Сталинской премии академик И.И.Минц – будущий лауреат Ленинской премии и Герой Социалистического труда²⁰. Некоторые из них, не выдержав страшного давления и в надежде избежать худшего, каялись и признавали свои мнимые «ошибки», но это мало помогало: почти всем им пришлось уйти из университета, а Звавич и Зубок были высланы из Москвы. Все это создавало обстановку страха, сковывало мысль, приучало к лицемерию.

Время от времени студенты узнавали, что кого-то «взяли», а иногда даже сами становились свидетелями обысков и арестов. Анатолий Васильевич рассказывал, как однажды поздно вечером, провожая знакомую девушку, он увидел у подъезда ее дома зловещую черную машину НКВД. В доме шел обыск, и Анатолий Васильевич простоял перед окнами до утра, с ужасом ожидая, что его знакомая или ее семья будут арестованы. Лишь к утру он узнал, что на этот раз обыск происходил у соседей.

И тем не менее, по воспоминаниям сокурсников Анатолия Васильевича, да и по воспоминаниям автора этой статьи, учившегося на истфаке МГУ, а затем работавшего вместе с Адо, среди студентов преобладало оптимистическое, радостное настроение. Они были молоды, и жизнь им улыбалась. Только что кончилась страшная война, в декабре 1947 г. отменили карточки, цены ежегодно снижались, жить стало легче. До поры до времени политические бури пронеслись мимо, не задевая большинства студентов, которые считали советские порядки нормой и не очень хотели видеть темные стороны советской действительности, а тем более задумываться над ними. К тому же почти все они были комсомольцами или коммунистами и уже прошли соответствующее идеологическое воспитание в школе, в комсомоле, в армии. Многие обладали склонностью к общественной деятельности и задатками лидеров. Они охотно работали в комсомольских, профсоюзных и других общественных организациях. Тип комсомольского бюрократа-карьериста был тогда мало распространен на истфаке МГУ, особенно в низовых организациях. В комсомольские и партийные бюро курсов и факультета часто избирали действительно лучших студентов, пользовавшихся доверием и авторитетом.

Работа в комсомольском бюро вовсе не была насильем над их личностью. Они любили свой факультет, гордились им и часто проводили там все свое свободное время.

Даже «добровольно-обязательная», как тогда шутили, работа студентов во время каникул на стройках или в колхозах воспринималась многими романтически настроенными комсомольскими активистами как помощь стране и народу. Они добросовестно работали, а после работы еще устраивали концерты самодеятельности для рабочих и колхозников. Комсомол, коммунистическую партию, советскую власть они воспринимали как что-то свое, а не чужое. Они искренне верили официальной пропаганде, уверявшей, что Советский Союз – это самая свободная и счастливая страна мира, на которую другие народы смотрят с восхищением и надеждой. Хотя студентов в партию, как правило, не принимали, многие комсомольцы хотели стать коммунистами, и не только потому, что беспартийным не разрешалось преподавать «общественные науки», но и потому, что принадлежность к партии считалась высокой честью, а идеал свободного от эксплуатации, справедливого коммунистического общества, в котором будет покончено с угнетением и бедностью, выглядел очень привлекательно.

Анатолий Васильевич не обладал большим общественным темпераментом, но и не был «книжным червем», интересовавшимся только наукой. На третьем курсе его избрали – и потом ежегодно переизбирали – в курсовое, а затем и в факультетское бюро комсомола, где он неизменно ведал учебным сектором.

Сейчас многие утверждают, что они уже в 40-е годы понимали тоталитарную сущность советского режима и критически относились к Сталину. Возможно, это и так, но в студенческом окружении Анатолия Васильевича таких людей не было. Прочитав в 1990 г. рукопись моей статьи, где говорилось, что мои воспоминания о студентах истфака 1948–1953 гг. не подтверждают мнения об их критическом отношении к Сталину, Анатолий Васильевич написал на полях: «Да, мои тоже не подтверждают». Далее он добавил: «Помню, что у многих товарищей родители были репрессированы, но мы всегда считали, что это по ошибке. А вообще эта тема, насколько я помню, практически не возникала в разговорах, ее как бы не было». К тому месту рукописи, где говорилось, что студенты конечно же понимали, что можно угодить в тюрьму за простой анекдот, опасались доносов, проявляли большую осторожность в разговорах, но все это находилось как бы на периферии сознания, Анатолий Васильевич приписал: «Да, вот это точно – на периферии сознания».

Среди студенческих друзей Адо преобладали возвышенные, сугубо книжные, революционно-романтические представления, соединенные с большой политической, да и житейской наивностью. Вчерашние школьники, совсем еще юные мальчики и девочки, они пели революционные песни и восхищались коммунистами-революционерами, которые боролись «за счастье народа». Встречавшиеся на их пути несчастья и несправедливость они воспринимали как «отдельные недостатки», не обобщая их и не связывая с советской властью.

Такие настроения тогда вовсе не были редкостью. Студенческие дневники талантливого литературного критика Марка Щеглова, который учился в МГУ одновременно с Адо, а впоследствии боролся против официальной литературы «социалистического реализма», полны гордости за советскую власть, радости по случаю успехов коммунистов в Чехословакии, Индонезии, Греции, чувством причастности к мировой революции. Слушая радио, один в своей убогой комнате, студент Щеглов вставал при звуках «Интернационала» и ощущал, как его сердце полнится «торжественным, широким восторгом»²¹.

Да что говорить о неопытной молодежи, если даже таких выдающихся людей, как К.И.Чуковский и Б.Л.Пастернак, охватывал восторг при одном только виде Сталина. Увидев Сталина на съезде комсомола в 1936 г., Чуковский записал в своем дневнике: «Я оглянулся, у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем... Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью»²².

По словам однокурсников Анатолия Васильевича, первые сомнения в правильности политики советского правительства и партийного руководства стали возникать у них в 1947–1948 гг. в связи с решениями Информационного бюро коммунистических партий, означавшими поворот к «холодной войне», и особенно в связи с преследованиями «космополитов». Часть студентов поддерживала нападки на «космополитов» – кто-то искренне, кто-то, возможно, из страха или карьерных соображений, другие – не одобряли. Открыто никто не протестовал – это было бы крайне опасно, но в частных разговорах или просто в умолчаниях позиции выявлялись, и становилось ясно, «кто чем дышит». По свидетельству однокурсников, Анатолий Васильевич возмущался травле! «космополитов». Ему, честному и глубоко порядочному человеку, воспитанному в духе подлинного, а не показного интернационализма, претили бездоказательные обвинения в «космополитизме», сопровождавшиеся плохо замаскированными антисемитскими выпадами.

Избрав своей специальностью историю Франции, Анатолий Васильевич учился у наиболее известных советских франковедов. Историю средних веков читал профессор Сергей Данилович Сказкин, впоследствии академик и Герой Социалистического Труда. Ему была присуща исключительная способность показать давно известные факты с какой-то новой стороны, найти такие слова, которые врезались в память. Сказкин умел создать ощущение сопричастности к историческим событиям, вызвать симпатии или антипатии к деятелям прошлого. Когда он рассказывал, как Жанну д'Арк вели на костер, у студентов навертывались слезы на глаза.

Часть лекций по новой истории прочел самый, пожалуй, знаменитый из советских историков Евгений Викторович Тарле, академик трех академий и почетный доктор пяти зарубежных университетов²³. Он уже угасал, был стар и болен, но, когда вдохновение посещало его, ему не было равных. Поразительное знание истории многих стран, колоссальная эрудиция, острый ум, красочная, изобилующая живыми подробностями, пронизанная иронией речь – все это доставляло аудитории подлинное наслаждение.

Лекции по истории Франции читал профессор Альберт Захарович Манфред, наделенный большим литературным и ораторским даром. Он стремился представить прошлое в образах, нарисовать живую картину исторических событий. Вспоминая его лекцию о франко-прусской войне и битве при Седане, одна из его бывших студенток писала: «Картины Седанской битвы будто вставали перед нами – в белых далеких клубах пушечного дыма, на фоне ослепительного неба ранней осени. Мы видели всех действующих лиц: жалкого Луи-Наполеона, укrywшегося в маленьком домике и от страха страдавшего животом, с его, как выразился Альберт Захарович, «заячьей душой»; ничтожного Трошю; воодушевленного любовью к отечеству, пламенного, хотя и многоречивого Гамбетту»²⁴. Лекции Манфреда произвели сильное впечатление и на Анатолия Васильевича. «Этот курс, который охватывал всю историю Франции в новое и новейшее время, и сейчас остается одним из наиболее ярких воспоминаний моих студенческих лет»²⁵, – отмечал он.

Лектором другого типа был профессор Борис Федорович Поршнева, который в 1946–1948 гг. заведовал кафедрой новой истории, а затем стал научным руководителем Адо. Для него главное состояло не в описании событий, а в их анализе, в выяснении причин и следствий, в создании исторической концепции, в поиске исторических закономерностей.

Поршнева обладал острым чувством нового, энциклопедическими знаниями и бурным темпераментом. Его богато одаренная натура не уместилась в рамках франковедения. Он защитил две докторские диссертации – редчайший случай! – и был «дважды доктором» – исторических и философских наук. Помимо истории и философии, Поршнева занимался еще политической экономией феодализма и социальной психологией, став одним из основоположников этой отрасли знаний в СССР. Увлечшись сообщениями о находке следов «снежного человека», он организовал его поиски в СССР и в связи с этим написал ряд оригинальных работ по истории первобытного общества, антропологии, этнографии и даже роли рефлексов в становлении человека.

Европейскую и мировую известность Поршневу принесла его первая докторская диссертация о народных восстаниях накануне Фронды, которую он защитил в 1940 г. в возрасте 36 лет. Опубликованная в 1948 г. в виде книги и отмеченная в 1950 г. Сталинской премией, эта работа оказалась одной из немногих трудов советских историков, которые преодолели языковой барьер и нашли путь к зарубежному читателю. На нее откликнулись историки Франции, Румынии, Польши, Англии, США, Италии, Швейцарии, Германии. Основная идея книги Поршнева состояла в попытке применить марксистскую теорию классовой борьбы к событиям Фронды и вообще к Франции XVII в., «увидеть уже в XVII веке в лице Фронды проявление той же самой классовой борьбы, которая лишь на гораздо более высокой ступени разразилась в виде революции 1789 года»²⁶. Особенно важное значение Поршнева придавал массовым народным движениям, в первую очередь восстаниям крестьянства и городской бедноты. По его мнению, они «составляли подлинный фундамент и единственное условие возможности всяких прочих форм оппозиции абсолютистскому режиму»²⁷. Сейчас, в свете новых исторических исследований, видно, что Поршнева явно преувеличил роль и значение народных восстаний и классовой борьбы в эволюции французского общества XVII в., но его книга открыла научную полемику, которая оказалась чрезвычайно плодотворной. Как заметил крупнейший французский историк Фернан Бродель, «не пояись эта книга, во Франции не начался бы острейший спор между историками, приведший к появлению новых исследований»²⁸.

Когда в 1949 г. студент Адо записался в специальный семинар профессора Поршнева, Борис Федорович еще не достиг вершины своей научной деятельности, но был уже известным ученым. Под его руководством Анатолий Васильевич написал дипломную работу «Мелье и Вольтер» и в 1950 г. – успешно защитил ее. Оппонентом выступал академик Тарле, который очень вдохновил молодого автора, похвалив его работу и отметив способности к науке. Получив диплом с отличием, Анатолий Васильевич был принят в аспирантуру при кафедре новой истории.

Тема его кандидатской диссертации «Крестьянское движение во Франции в первые годы Французской буржуазной революции конца XVIII века» продолжала традиции знаменитой «русской школы» изучения Франции и в то же время находилась в русле исследований Поршнева о народных движениях.

Как рассказывал Анатолий Васильевич Поршнева указал ему на имеющиеся в СССР архивные фонды и помог сориентироваться в море научной литературы, а затем предоставил полную самостоятельность. Он не читал диссертации Анатолия Васильевича и тем более не редактировал ее, но регулярно обсуждал со своим аспирантом научные и всякие иные проблемы, иногда возсе не связанные с диссертацией. Чаще всего это происходило в квартире Поршнева, в совершенно неофициальной обстановке. И учитель, и ученик хорошо понимали и очень ценили друг друга.

20 января 1954 г. Анатолий Васильевич успешно защитил кандидатскую диссертацию. Еще до защиты, сразу после истечения срока пребывания в аспирантуре, ему предложили должность ассистента на кафедре новой истории, которая вскоре стала называться кафедрой новой и новейшей истории. Это было очень лестное и желанное для молодого специалиста предложение. Надо сказать, что здесь решающую роль сыграл новый заведующий кафедрой, специалист по истории Германии, профессор Илья Саввич Галкин²⁹.

Самобытный, сложный и противоречивый человек, Галкин производил разное впечатление на разных людей, в зависимости от того, с какой стороной его многогранной личности они сталкивались. Выходец из бедной крестьянской семьи, потом рабочий литейного цеха, участник гражданской войны, затем учитель начальной и средней школы, член партии с 1927 г., Галкин сначала учился заочно и лишь в 1932 г. закончил этнологический факультет Московского университета. Ему было тогда 34 года. Поршнева в этом возрасте уже завершал докторскую диссертацию.

Обладая большим государственным умом, тонким политическим чутьем, сильной волей и выдающимися организаторскими способностями, Галкин наряду с преподавательской и научной работой много занимался административной деятельностью: состоял во множестве ученых советов, был проректором знаменитого МИФЛИ (Московского института философии, литературы и истории), а затем – с 1943 по 1948 г. – ректором Московского государственного университета.

Оставив пост ректора после инфаркта, но оставаясь проректором МГУ по гуманитарным факультетам, Галкин в 1953 г. согласился занять пост заведующего кафедрой новой истории, которая тогда переживала период безвременья и состояла всего из семи человек. Задумав превратить кафедру в серьезный научный центр, Галкин стал добиваться ее расширения, привлекая молодых способных ученых, к которым он относился по-отечески: добывал для них ставки, а иногда и квартиры, «пробивал» в печать их статьи и книги, порой даже ссужал деньгами. В отличие от некоторых других руководителей он не боялся, что молодые таланты могут опередить его в науке. Напротив, весьма скромно оценивая свои собственные многочисленные научные работы, Галкин радовался успехам молодых сотрудников и даже считал, что как ученые они его превосходят.

Анатолий Васильевич был одним из первых среди большой группы молодых историков, принятых Галкиным на кафедру. Сделать это было нелегко: Анатолий Васильевич являлся «иногородним», не имел в Москве ни квартиры, ни прописки, а без прописки нельзя было поступить на работу. Это могло остановить кого угодно, но не Галкина. С присущей ему энергией и знанием «коридоров власти» при помощи ректора МГУ академика И.Г.Петровского он добился для Анатолия Васильевича и некоторых других молодых историков временной, а затем и постоянной прописки в своеобразном общежитии для преподавателей, в квартире нового «Дома преподавателей», построенного университетом на Ломоносовском проспекте.

В одной из двухкомнатных квартир этого дома в течение нескольких лет жили четыре молодых преподавателя исторического факультета, и среди них А.В.Адо.

* * *

В сентябре 1953 г. Анатолий Васильевич начал вести семинарские занятия на историческом факультете МГУ, а с 1954 г., когда ему исполнилось всего 26 лет, приступил к чтению одного из основных курсов исторического образования - общего курса новой истории стран Европы и Америки. Кончились годы его учебы. Началась жизнь преподавателя и ученого.

Эти две профессии часто совмещают, хотя они в общем-то разные, а может быть, даже в чем-то и противоположные. Недаром говорят, что преподаватель внушает уже известные истины, а ученый критикует их и ищет новые. Это, конечно, преувеличение, но все же нельзя отрицать, что хороший ученый не всегда бывает хорошим преподавателем, а хороший преподаватель может вовсе не быть ученым. Для преподавателя нужны некоторые, не обязательные для ученого, но сходные с артистическими способности, прежде всего умение привлечь слушателей и установить контакт с ними. Подобно артисту, преподаватель как бы играет роль; даже произнося чужой текст, он должен заинтересовать аудиторию. И так же, как и для артиста, для него очень важны внешность, манеры, голос.

Анатолий Васильевич был прирожденным преподавателем и быстро завоевал популярность у студентов. Он был хорош собой, и некоторые особо впечатлительные студентки даже называли его Аполлоном. Девушки шутя говорили, что Адо надо запретить улыбаться, иначе он совершенно неотразим! Высокий, стройный, изящный, с копной золотистых волос, звучным голосом, заразительным смехом, Анатолий Васильевич, как и его отец, обладал трудно определимым, но отчетливо ощутимым обаянием, своеобразным магнетизмом, который привлекал к нему всех, кто с ним общался.

Он был очень трудолюбив, методичен и даже несколько педантичен в работе, но в повседневной жизни оставался веселым, добрым человеком, наделенным большим чувством юмора; ценившим простые радости жизни. Анатолий Васильевич прекрасно танцевал, хорошо плавал (свободно переплывал Волгу), был очень восприимчив к красоте природы и к женскому очарованию, любил веселую компанию и дружеское застолье - нередко у туристского костра, в лесу или на берегу реки.

Как лектор, он следовал скорее манере Поршнева, чем Манфреда. Его лекции привлекали прежде всего глубиной и последовательным развитием мысли, хотя Анатолий Васильевич не отказывал себе в удовольствии привести красочную деталь или любопытную цитату. Умение быстро схватить суть научной проблемы и ясно объяснить ее слушателям было характерной чертой его педагогического таланта. На семинарских занятиях он стремился вызвать дискуссию, поставить необычный вопрос, заставить студентов думать и - что еще труднее - систематически работать. Даже экзамены, которые у студентов традиционно считаются чем-то вроде «страшного суда», Анатолий Васильевич превращал в подобие научной беседы.

Будучи исключительно добросовестным и, как иногда говорят, «обязательным» человеком, Анатолий Васильевич внимательнейшим образом читал сочинения своих студентов и аспирантов, писал на полях или на обороте страницы массу замечаний мелким, разборчивым почерком, подолгу разговаривал с учениками об их работах, о науке и вообще о жизни. Он любил учеников, старался развить их лучшие качества и говорил, что сам у них учится. Его внимание и интерес к людям, умение слушать, такт и деликатность делали Анатолия Васильевича желанным собеседником и даже исповедником. Он всегда пытался помочь и никогда не выдавал вверенных ему тайн.

Когда ему говорили, что он тратит слишком много времени на учеников, Анатолий Васильевич отвечал: «Мне с ними интересно». Даже после того как в 1979 г. Анатолий Васильевич перенес тяжелейший инфаркт и должен был оставить чтение общего курса, он не захотел полностью отказаться

от преподавания. «Я люблю преподавать», – повторял он, когда ему советовали ограничиться только научной работой. Ученики тоже любили Анатолия Васильевича, были глубоко к нему привязаны, бывали у него дома, стремились поддерживать связь, даже если судьба заносила их в другие города и страны, нередко становились близкими ему и его семье людьми.

Талант к преподаванию гармонично сочетался у Анатолия Васильевича с талантом ученого. Занимаясь наукой, он, по его собственному выражению, испытывал «интеллектуальное наслаждение»³⁰.

Первая научная статья Анатолия Васильевича была опубликована в 1956 г. в «Вестнике Московского университета»³¹. На следующий год в центральных научных изданиях появились еще две его статьи³². Все они были написаны на основе только что защищенной кандидатской диссертации. Изучив обширную французскую литературу и архивные документы, хранившиеся в Москве и Ленинграде, Адо впервые нарисовал общую картину стихийного крестьянского движения 1789–1790 гг., которая была исследована только в самых общих чертах. Он по крупицам собрал, с сочувствием, но не без иронии описал и тщательно проанализировал разнообразные формы протеста крестьян. Анатолий Васильевич говорил, что почти зримо представлял себе своих героев – французских мужиков XVIII в., которые, вооружившись чем попало, толпой подступают к замку сеньора, грабят его, сбивают с башен гербы и флюгера – символы дворянского достоинства, громят винные погреба, требуют выдачи документов о крестьянских повинностях, а затем, воодушевленные вином и успехом, с песнями и плясками сжигают документы на костре, уверенные в том, что таким образом они навсегда избавятся от ненавистных сеньориальных платежей.

В отличие от правых французских историков, вроде И. Тэна, считавших крестьянское движение бессмысленным бунтом черни, Анатолий Васильевич в соответствии с марксистской теорией доказывал, что крестьянство сыграло «выдающуюся роль в революции»³³.

Вопреки взглядам крупнейшего французского историка Жоржа Лефевра, считавшего, что «крестьянская революция» являлась «автономной» и не имела органической связи с буржуазной революцией, Адо видел в событиях 1789–1790 гг. не две революции – буржуазную и крестьянскую, а «разные методы ликвидации феодальной старины – либерально-буржуазный с его оговорками и преклонением перед «порядком» и крестьянско-демократический, устранивший крупных буржуа своей радикальностью»³⁴.

Уже в первых работах Адо показал, что крестьянское движение было сложным, противоречивым и внутренне неоднородным. Его статьи обогатили прежние представления о роли крестьян в революции и привлекли внимание специалистов.

Начало преподавательской и научной деятельности Адо пришлось на переломные годы, связанные с ликвидацией «культы личности» Сталина и политической «оттепелью». Эти события общеизвестны, но, пожалуй, лишь тот, кому довелось их пережить, может до конца понять, насколько они поражали воображение и чувства современников.

Сталин умер 5 марта 1953 г., к его гробу стекались прощаться бесчисленные толпы, казалось, вся страна скорбит о нем, но прошел всего лишь месяц и центральный печатный орган ЦК КПСС газета «Правда» опубликовала небольшое «сообщение» Министерства внутренних дел о реабилитации арестованных при Сталине «врачей-убийц», пояснив, что их прежние «признания» были получены в результате применения «недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия»³⁵.

Поскольку за все годы правления Сталина не было ни одного случая публичной реабилитации и ни одного упоминания о пытках, это «сообщение» вызвало шок в советском обществе. Прошло еще три месяца, и газеты опубликовали новую сенсацию: ближайший соратник Сталина, всесильный министр внутренних дел Л.П.Берия оказался виновным в «преступных антипартийных и антигосударственных действиях», совершенных «в интересах иностранного капитала»³⁶. Он был смещен со всех постов, арестован, осужден военным трибуналом и расстрелян.

Еще более сенсационным оказался состоявшийся в феврале 1956 г. XX съезд КПСС, который официально осудил не только Берия, но и самого Сталина. Членам партии (в которую Анатолий Васильевич вступил в аспирантуре в 1951 г.), а затем и комсомольцам в «закрытом порядке» читали секретный доклад Н.С.Хрущева на XX съезде, в котором Сталин обвинялся во многих ошибках и преступлениях, в первую очередь в фальсифицированных судебных процессах, зверских пытках и физическом истреблении старых большевиков.

Разумеется, на историческом факультете МГУ, как и по всей стране, горячо обсуждались эти ошеломляющие события, буквально взрывавшие прежние представления об СССР, коммунистической партии и советской власти, переворачивавшие то, чему раньше учили и во что многие верили.

Анатолий Васильевич и его друзья были потрясены чудовищными фактами сталинских репрессий, о которых они впервые узнали из доклада Хрущева. Они поддерживали «линию XX съезда», но постепенно начинали отдавать себе отчет в том, что главная причина всех этих преступлений коренится не в личности Сталина, а глубже, в самой системе власти, созданной в результате Октябрьской революции. Их прежние представления о «свободном и счастливом» советском обществе, настроения революционного романтизма постепенно уходили в прошлое перед лицом ужасных и неопровержимых фактов.

Подавление советскими войсками восстания 1956 г. в Венгрии, предвещавшее конец политической «оттепели», вызвало новые волнения в среде советской интеллигенции, которые отразились и на коллективе исторического факультета МГУ. Часть преподавателей, проникнутая сталинскими идеями, шумно радовалась разгрому венгерских «мятежников» и «ревизионистов». Но несколько молодых преподавателей, аспирантов и студентов, лидером которых являлся бывший секретарь комсомольского бюро факультета, аспирант кафедры истории КПСС Л.Н.Краснопевцев, наоборот, сделали очень серьезные политические выводы противоположного характера и создали нелегальную организацию для борьбы за изменение или уничтожение советской системы. Многие преподаватели и сотрудники истфака, в том числе и Адо, не примкнули ни к тем, ни к другим. Осуждая преступления Сталина и желая демократизации политического режима СССР, они не одобряли ввода войск в Венгрию, но и не хотели участвовать в далекой от их профессиональных интересов и к тому же нелегальной политической деятельности.

Осенью 1957 г. Краснопевцева и еще восемь человек арестовали. Никакой точной информации об обвинениях против «группы Краснопевцева» на истфаке не имелось; ходили лишь слухи, что арестованные писали какие-то «ревизионистские сочинения» и распространили листовку. Сейчас такие действия не считаются преступлением, и в 1989 г. все участники «группы Краснопевцева» были реабилитированы, но тогда их судили и приговорили к тюремному заключению, доходившему – для главных организаторов – до 10 лет³⁷. На истфаке начались поиски «ревизионистов» – друзей и единомышленников Краснопевцева. Многих охватил страх – они ждали ареста. Воспользовавшись обстановкой, имевшиеся на факультете сталинисты перешли в наступление против тех преподавателей, которые выделялись творческим подходом к марксизму-ленинизму, отвергали догматизм, пользовались популярностью среди студентов и, следовательно, были подозрительны по части «ревизионизма».

Главный удар пришелся по кафедре новой и новейшей истории, где работал один из арестованных – молодой способный преподаватель Н.Г.Обушенков. Ревнителю «партийности» утверждали, что на кафедре имеются «серьезные недостатки политического характера», усматривали в ее работе «уступки буржуазной идеологии», возмущались тем, что в кабинете новой истории «нет портретов классиков марксизма-ленинизма, а висят только портреты Волгина, Тарле и находится бюст Вольтера».

В поисках «яда ревизионизма» партийное бюро стало проверять педагогическую работу преподавателей и пришло к выводу, что на кафедре «имело место притупление политической остроты и объективистский подход к оценке дипломных работ студентов». Одного из наиболее авторитетных преподавателей кафедры, знатока истории Франции Н.Е. Застенкера партбюро обвинило в «отступлении от ленинского принципа партийности в исторической науке».



А.В.Адо с женой М.А.Лебедевой и сыном Андреем. 1973 г.

Анатолий Васильевич тоже оказался в «опасной зоне». Он отлично знал Краснопевцева, Обушенкова и некоторых других арестованных. Один из арестованных, студент В.М.Козовой, занимался у него в семинаре. Комиссия партийного бюро, посетив лекции Анатолия Васильевича, выразила недовольство ими и заявила, что на кафедре существует «порочная практика захваливания отдельных преподавателей», к числу которых был отнесен и Адо. К тому же у Анатолия Васильевича появились «опасные» родственники. В 1957 г. он женился на Марине Александровне Лебедевой, отец которой до войны был арестован и много лет провел в лагерях. В конце концов его реабилитировали, но в глазах сталинистов, да и тогдашних властей реабилитированные все же оставались подозрительными людьми.

К счастью, обстановка в стране уже сильно отличалась от сталинского времени. Арестованных по «делу Краснопевцева» не пытали и не выбивали из них ложных показаний. Более того, власти явно не хотели раздувать «дело» молодых историков, свидетельствовавшее о возникновении молодежной политической оппозиции в таком центре науки, как Московский университет. Со своей стороны арестованных старались не выдавать товарищей, с которыми они вели более или менее откровенные разговоры³⁸. В результате даже выявленных следствием 12 человек, которые читали сочинения Краснопевцева, но прямо не участвовали в деятельности его организации, не арестовали, а передали решение их судьбы на усмотрение партийных организаций тех учреждений, где они работали. В некоторых учреждениях ограничились выговорами, но партийное бюро истфака проявило максимум усердия. Оно исключило из партии и настояло на увольнении всех, кто упоминался в следственных делах, даже тех, кто, участвуя в обсуждении работ Краснопевцева, критиковал его взгляды.

Продолжая атаку против «подозрительных» преподавателей, главой которых партийное бюро считало Н.Е.Застенкера, оно организовало дискуссию на, казалось бы, научную тему: о «средних слоях» современного общества. В результате этой дискуссии Застенкер и его сторонники были обвинены в «сползании с позиций партийности» и в «ревизии учения о классовой борьбе». Их осудили в резолюциях различных партийных организаций, вплоть до парткома МГУ и XVII партийной конференции Московского университета, а некоторых вообще выжили из университета.

Лишь после того как XXII съезд КПСС, состоявшийся в 1961 г., вновь подверг Сталина резкой критике, партийному руководству МГУ пришлось снять эти свои резолюции, по дискуссии о «средних слоях».

В 1961 г. Анатолий Васильевич получил звание доцента, а на следующий год уехал в длительную научную командировку во Францию.

Сейчас, когда поездки за границу стали обычными, трудно даже вспомнить, как они воспринимались в то время. После 1930 г. ни один советский историк не работал во французских архивах; публикации в иностранных изданиях прекратились; поездки за границу стали величайшей редкостью, а на побывавших там людей смотрели косо: над ними постоянно висело возможное обвинение в «связях с заграницей», равнозначное на языке того времени обвинению в шпионаже.

Лишь после ареста Берии и особенно после XX съезда КПСС обстановка начала меняться. Ведущие советские историки стали ездить на международные конференции и приглашать в Москву иностранных ученых. Впервые в истории СССР были разрешены туристические поездки за границу, правда, лишь «в организованном порядке», т.е. в составе группы под руководством «старосты», на основании «характеристики», которую подписывали руководители администрации, партийной и профсоюзной организаций того учреждения, где работал турист. Утверждал «характеристику» райком КПСС. Длительные научные командировки – а только они позволяют серьезно работать в зарубежных библиотеках и архивах – все еще были редким исключением.

Для работников кафедры новой и новейшей истории путь к ним проложил профессор Галкин. Он неутомимо доказывал во всех руководящих учреждениях, вплоть до ЦК КПСС, что историю зарубежных стран невозможно серьезно изучать без работы в иностранных архивах, использовал свои обширные связи и наконец добился того, что Анатолий Васильевич Адо и еще три молодых способных преподавателя – Игорь Петрович Дементьев, Евгений Федорович Язьков и Ирина Владимировна Григорьева – были включены в списки кандидатов для поездки в «свои» страны на целый учебный год. Это была неслыханная удача, и Анатолий Васильевич не раз повторял: «Мы выиграли 100 тысяч на трамвайный билет». Чтобы полностью оценить эту фразу, надо иметь в виду, что 100 тыс. рублей стоили тогда много больше, чем сейчас 100 млн.

Все кандидаты проходили долгий и мучительный путь «согласования» и «оформления» поездки. Их запугивали опасностью провокаций со стороны иностранных разведок, внушали, что надо постоянно проявлять бдительность, переписываться с домашними только через посольство, поменьше общаться с иностранцами, не ходить в одиночку по улицам и т.д. Некоторые командированные, охваченные страхом, действительно следовали этим абсурдным инструкциям и ставили себя в крайне неловкое положение при встрече с зарубежными коллегами, но Анатолий Васильевич был человеком другого склада. Со свойственной ему основательностью он очень тщательно подготовился к поездке: заранее обдумал, в каких архивах и библиотеках будет работать, какие архивные фонды ему понадобятся, с какими историками нужно будет встретиться.

Когда в октябре 1962 г. Анатолий Васильевич в составе целой группы молодых советских ученых, официально числившихся «студентами», наконец прилетел в Париж, быстро обнаружилось, что он может «на равных» разговаривать с французскими историками. Год спустя, когда я, будучи преподавателем кафедры новой и новейшей истории истфака МГУ, тоже стажировался в Париже, работники французских учреждений, занимавшиеся приемом советских стажеров, говорили мне, что группа, где находился Анатолий Васильевич, была первой группой, члены которой вели себя как нормальные люди: охотно вступали в разговоры, шутили, смеялись, ходили в гости к французам и сами принимали гостей.

Всех советских стажеров поселили, как студентов, в Латинском квартале, в только что построенном общежитии для иностранцев – «центре Бюлье». Они жили в отдельных, небольших, но довольно комфортабельных комнатах, двери которых выходили в общий коридор. Под окнами комнаты № 114, где обитал, как он с иронией отметил, «студент, а не доцент»³⁹ Адо, стоял памятник «князю Московскому» – наполеоновскому маршалу Нею и начинался широкий, красивый, зеленый бульвар, тянувшийся до Люксембургского сада.

Анатолий Васильевич немедленно записался в Национальную библиотеку и Национальный архив и просиживал там целые дни - от открытия до закрытия, разбирая, по его собственному выражению, «каракули XVIII века»⁴⁰. Вечерами и по воскресеньям он занимался французским языком, ходил по музеям, театрам, картинным галереям и просто гулял по Парижу. Он полюбил этот прекрасный город: мосты и набережные Сены, собор Нотр-Дам и церковь Сент-Шапель, украшенные изумительными витражами, величественные дворцы французских королей, изысканные французские парки с фонтанами, статуями, дорожками, посыпанными гравием, с цветущими почти весь год клумбами. «Город, конечно, очень хорош, – писал он домой, – и большие авеню, и бульвары, и узенькие, иногда очень старые, боковые улочки с живописными лавчонками»⁴¹. Анатолию Васильевичу нравился студенческий бульвар Сен-Мишель, который студенты называли просто Буль-Миш, и примыкавшие к нему маленькие кривые улочки: Сен-Северен, Ля Арп, Юшетт, Привас. Там вечерами бродили стайки молодежи, играла музыка, слышались песни и смех, светились вывески кино, кафе, закусовых, где хозяин прямо на глазах покупателей срезал острейшим ножом ломтики горячего, истекающего соком жареного мяса с медленно поворачивающейся на вертеле туши. По пути в Национальную библиотеку Анатолий Васильевич иногда заходил на Центральный рынок – многократно описанное в литературе знаменитое «чрево Парижа». Там, где сейчас находится торговый центр «Форум рынка», тогда стояли длинные кирпичные ангары – торговые ряды, на прилавках лежали горы самых разнообразных продуктов, мимо двигались толпы покупателей, слонялись оборванные «клошары» – нищие, надеявшиеся поживиться подпорченными овощами, а то и бутылкой дешевого вина. Рядом располагалось множество закусовых и ресторанов, и среди них неприметный с виду, но высоко ценимый знатоками ресторанчик «У свиного копыта», где всегда подавали самое свежее мясо – прямо с бойни.

Анатолий Васильевич изучил Париж не хуже, чем Москву, усвоил парижские манеры и даже интонации, охотно заходил в кафе, где можно было спокойно посидеть за чашкой кофе или рюмкой коньяка, научился разбираться в сырах, винах и непривычных для русского человека деликатесах вроде улиток или устриц.

Он приобрел много друзей и познакомился с французскими историками. Из всех его встреч с историками самой важной была встреча с виднейшим французским историком-марксистом [Альбером Собулем](#). Анатолий Васильевич хорошо знал его труды и даже написал предисловие к переведенному в 1960 г. на русский язык сборнику статей Собуля, но лично они еще не были знакомы. Первая встреча прошла очень удачно. Собуль «встретил меня чрезвычайно сердечно, тут же пригласил на обед, просил бывать запросто, обещал всяческую помощь в библиотеке и архиве, очень одобрил мою тему, в общем отнесся не просто по-товарищески, а по-дружески»⁴², – сообщал Анатолий Васильевич жене.

Так началась их дружба, которая продолжалась вплоть до смерти Собуля в 1982 г. Ученик знаменитого Лефевра и сам крупный историк, участник движения Сопротивления, никогда не скрывавший своих коммунистических убеждений, Собуль в 1958 г., несмотря на противодействие правой профессуры, первым из историков-коммунистов защитил фундаментальную докторскую диссертацию о парижских санкюлотах и стал профессором – сначала в университете города Клермон-Ферран, а потом и в Сорбонне. Он был горячим, темпераментным, страстным – а иногда и пристрастным – человеком, смелым борцом за свои убеждения, верным другом, гостеприимным и хлебосольным хозяином. В его квартире на улице Нотр Дам де Шан («Богородицы в полях») часто собирались интересные люди, в том числе историки левого направления из разных стран: англичане [Джордж Рюде](#) и Ричард Кобб, итальянец Армандо Саитта, немец [Вальтер Марков](#) и, конечно, Анатолий Адо. Бывали там Б.Ф.Поршневу, А.З.Манфреду и другие советские историки, а также французские историки-марксисты более молодого поколения: Мишель Вовель, Клод Мазорик, Ги Лемаршан.



Вручение диплома почетного доктора МГУ А.Собулю. 1982 г.

Главной темой разговоров была наука, особенно история Великой французской революции, которой все они занимались. Собуль, как и другие французские историки-марксисты, вслед за Лефевром сначала считал, что крестьянское движение развивалось без органической связи с буржуазной революцией, а стремление крестьян к расширению мелкого крестьянского землепользования расценивал как исторически реакционное препятствие для развития капитализма. Адо полемизировал с такой точкой зрения еще во вступительной статье к русскому изданию сборника статей Собуля⁴³, но Собуль русского языка не знал, статью не читал, и поэтому возражения Анатолия Васильевича были для него неожиданными и очень интересными. Начавшаяся между ними дискуссия обогатила обоих участников.

Встречи у Собуля часто сопровождались застольем, а порой и обильными возлияниями. Однажды, как рассказывал Адо, не хватило даже богатых запасов из винного погреба Собуля, и хозяин, восклицая, что его дом отныне обесщещен, отправился за пополнением в магазин.

Дружба с Собулем имела очень большое значение для Анатолия Васильевича. Благодаря Собулю он, еще молодой человек и молодой историк, оказавшийся в чужой стране, в незнакомом городе, быстро вошел в круг известных специалистов из разных стран и встретил дружескую поддержку. Вскоре он познакомился и с историками других направлений, которых в СССР именовали «буржуазными». Они оказались очень разными и порой совсем не буржуазными. В числе знакомых Анатолия Васильевича были и его ровесники, тогда еще молодые, а впоследствии прославившиеся историки: Франсуа Фюре, Эмманюэль Ле Руа Лядюри, Жак Ле Гофф. Все они относились к Анатолию Васильевичу с большим уважением, и в дальнейшем одно лишь имя Адо открывало многие двери для приезжавших во Францию его коллег и учеников.

Помимо историков, у Анатолия Васильевича образовался и другой круг общения. Он познакомился с группой молодых активистов общества «Франция – СССР», которые приняли Адо и других советских стажеров в свою молодежную компанию, устраивали вылазки за город, пикники, прогулки; возили своих советских друзей по Франции, показывали ее достопримечательности. Именно эти веселые, симпатичные парни и девушки, по большей части из трудовых семей со скромным достатком, познакомили Анатолия Васильевича с повседневной жизнью французов, обычно неизвестной туристам. Некоторые из них стали близкими и верными друзьями Анатолия Васильевича до конца его дней.

Париж и Франция в целом оставили глубокий след в его жизни. «Эти месяцы обогатили меня необычайно, и это надолго останется в памяти»⁴⁴, – писал он жене. Позднее Анатолий Васильевич не раз вспоминал слова Хемингуэя: «Если тебе повезло, и ты в молодости жил в Париже, то, где бы ты ни жил потом, он до конца дней твоих останется с тобой, потому что Париж – это праздник, который всегда с тобой».

В следующий раз Анатолий Васильевич увидел Париж только через 12 лет.

Вернувшись в Москву после 10-месячной командировки, Анатолий Васильевич принялся усиленно работать над докторской диссертацией. Заведующий кафедрой И.С.Галкин предоставил ему (как и другим молодым специалистам, вернувшимся из заграничных командировок) возможность временно перейти на ставку научного

сотрудника, чтобы в течение двух лет заниматься только наукой. Анатолий Васильевич работал с огромным напряжением сил и за три года – с 1965 по 1968 г. он опубликовал добрый десяток научных статей.

14 июня 1968 г. в переполненном актовом зале старого здания исторического факультета МГУ на улице Герцена, 5 Анатолий Васильевич, первым из молодых специалистов «галкинского призыва», блестяще защитил докторскую диссертацию «Крестьянское движение во Франции накануне и во время Великой французской буржуазной революции конца XVIII века»⁴⁵. В защите участвовало целое созвездие крупнейших франковедов: академик С.Д.Сказкин, профессора А.З.Манфред, В.М.Далин, Б.Ф.Поршнев и специалист по истории России профессор М.Т.Белявский. Это был действительно «праздник исторической науки», как назвал защиту Адо один из выступавших.

Такой работы еще не было ни в советской, ни во французской историографии. На основе огромного количества документов, почерпнутых во Французском национальном архиве и в 11 департаментских архивах, Анатолий Васильевич впервые выявил все зафиксированные в документах факты массового крестьянского движения в годы революции, составил их полный список, нанес на карту. Уже одна эта чрезвычайно кропотливая и многотрудная работа позволяла значительно более полно показать роль крестьян в революционном процессе. Продолжая исследования, начатые им в кандидатской диссертации, Анатолий Васильевич выяснил, что крестьянское движение развивалось по нескольким направлениям, не совпадавшим между собой, а иногда и противоречившим друг другу. Согласно его терминологии, крестьяне вели одновременно три войны: «войну против замков» (т.е. против сеньориального строя), «войну за землю» (за расширение крестьянского землевладения) и «войну за хлеб» – против дороговизны, за регламентацию торговли и нормирование цен. Кроме того, сельские рабочие боролись со своими нанимателями за повышение заработной платы⁴⁶.

В «войне против замков» крестьянство выступало в качестве единого социального класса вместе со всем третьим сословием. Напротив, «война за хлеб» не была общекрестьянским движением. В ней участвовала лишь часть крестьянства, входившая в состав широкой и неоднородной массы сельского населения, покупавшего хлеб. «Война за землю» противопоставляла нищее и малоимущее крестьянство, стремившееся к переделу земли, сельским богачам и вообще крупным землевладельцам. Эта часть крестьян стремилась к переустройству землевладения и особенно землепользования на уравнительных началах по трудовой норме. В конечном счете, писал Анатолий Васильевич, «развернувшееся в годы революции мощное крестьянское движение по своему содержанию было борьбой за повсеместное утверждение и укрепление свободного крестьянского хозяйства»⁴⁷. Борьба сельских рабочих – в той мере, в какой она успела выделиться из общего потока деревенских социальных движений, – была направлена против буржуазии.

Проанализировав влияние крестьянского движения на аграрное законодательство революции, Анатолий Васильевич показал, что лишь якобинцы сумели до конца пойти навстречу интересам различных слоев деревни, от ее собственнических верхов до бедноты. По его словам, при якобинцах «крестьянство добилось радикального разрушения всей феодальной структуры земельной собственности, полного уничтожения феодальных повинностей, сословной неравноправности, остатков внеэкономического принуждения. Это было одно из наиболее замечательных завоеваний не только французской, но и европейской революционной истории»⁴⁸. Вместе с тем Анатолий Васильевич показал – и это было новым словом в науке, – что даже при якобинцах, и тем более при термидорианцах, крестьяне не смогли полностью освободиться от груза повинностей, унаследованных от «старого порядка». Еще более существенным Адо считал тот факт, что крестьянам так и не удалось добиться радикального дробления крупного землевладения. Подводя итоги исследования, Анатолий Васильевич дал свой ответ на два главных вопроса, занимавших французских ученых. Отвечая Лефевру и его последователям, он доказывал, что, хотя Великая французская революция являлась буржуазной по своему социально-экономическому содержанию, она в то же время была глубоко народной по движущим силам, одной из которых было крестьянство. Несмотря на всю противоречивость требований крестьян и «антикапиталистические тенденции» части из них, «крестьянская революция», по мнению Анатолия Васильевича, сыграла роль «важнейшего органического элемента великого социального и политического переворота во Франции конца XVIII века»⁴⁹, стала неотъемлемой составной частью буржуазной революции.

Подвергнув критике другой тезис Лефевра – тезис об экономически консервативном характере крестьянских требований, – Анатолий Васильевич, вслед за В.И.Лениным, высказал мнение, что, если бы крестьянам удалось полностью ликвидировать все повинности, унаследованные от «старого порядка», пойти по американскому, а не по прусскому пути аграрного развития, добиться радикального дробления крупного землевладения, это создало бы гораздо более благоприятные условия для развития капитализма. Следовательно, замедленные темпы аграрного развития Франции надо связывать «не с тем, что мелкие и мельчайшие крестьяне сумели навязать буржуазной революции, а с тем, чего они не смогли добиться, борясь за расширение и укрепление своего хозяйства»⁵⁰.

Вскоре после защиты исторический факультет МГУ представил А.В.Адо к званию профессора, и в 1971 г. он был утвержден в этом звании. Одновременно решили опубликовать его диссертацию в виде книги. Тогда это был очень длительный процесс: в среднем от сдачи рукописи в издательство до выхода книги проходило два года. Монография Адо⁵¹ вышла в свет в издательстве МГУ только в 1971 г., через три года после защиты. Издательство сделало все, что было в его силах: вопреки настойчивым требованиям «экономить бумагу» и ограничивать объем любой книги 20 печатными листами (требование, которое вскоре стало обязательным), монография Адо была опубликована в полном объеме – 33 п.л., с приложениями, в которых были сведены в одну таблицу все крестьянские выступления против сеньориального строя. Но тираж книги составлял всего 900 экземпляров, она была напечатана на плохой желтой бумаге, в скучной, блеклой обложке.

Анатолий Васильевич, конечно, радовался выходу в свет своей первой книги, но ее убогое оформление вызывало у него досаду. Даря мне эту монографию, он сказал: «Я понял, что другой такой книги мне не написать». Я стал говорить, что ему всего лишь 43 года и значительная часть жизни еще впереди, но он ответил: «У меня просто не хватит сил для того, чтобы снова столько же работать в архивах». К сожалению его предчувствие оправдалось. В дальнейшем Анатолий Васильевич опубликовал много работ – их общий список превышает 130 названий, – но другой монографии он не написал⁵².

Выход в свет книги Анатолия Васильевича привлек внимание историков в Советском Союзе и за его пределами. На его монографию откликнулись оба ведущих советских исторических журнала – «Вопросы истории» и «Новая и новейшая история». Выдающийся знаток истории Франции профессор В.М.Далин в рецензии, опубликованной в «Новой и новейшей истории», расценил книгу Адо как «капитальный труд»⁵³. Рецензент «Вопросов истории» – специалист по истории Французской революции В.А.Гавриличев – также отметил «большую научную ценность», высокий уровень и новизну монографии, выразив уверенность в том, что «результаты серьезного труда А.В.Адо будут широко учитываться исследователями»⁵⁴.

Рецензент главного американского исторического журнала «Американское историческое обозрение» подчеркнул, что книга Адо основана на серьезном изучении французских архивов и «намного менее догматична, чем большинство трудов советских ученых»⁵⁵. Ведущий французский журнал по истории революции – «Исторические анналы Французской революции» – поместил даже не рецензию, а большую статью Собоуля, излагавшую основное содержание книги Адо⁵⁶. Отметив «широту взглядов Адо и «основательность его документальных исследований», Собоуль заявил: «Этой работой А.Адо, профессор Московского университета, утвердил себя как один из лучших знатоков аграрной истории революции»⁵⁷.

Собоуль предложил перевести книгу Адо на французский язык⁵⁸, однако попытки выпустить ее за границей долго не давали результатов. Анатолий Васильевич не был «предприимчивым» и «деловым» человеком в современном смысле слова. Он не умел добывать деньги и ходить по издательствам, к тому же ему просто не везло. Два французских издательства, взявшихся выпустить его книгу, обанкротились одно за другим. Окончилась неудачей и попытка издать французский перевод книги в Москве, в издательстве «Прогресс», которое тоже разорилось. Лишь в последние годы жизни Анатолия Васильевича за перевод его книги вновь взялись два издательства: одно – во Франции, другое – в Германии. Анатолий Васильевич уделял этому большое внимание, проверял и дорабатывал французский перевод, читал корректуру. В основном он завершил эту работу, но появления книги так и не дождался. Она вышла в свет только после его смерти – в январе 1996 г.⁵

Защита докторской диссертации, звание профессора Московского университета и особенно выход в свет монографии Адо создали ему имя в исторической науке. Это имя не было только в состав той или иной небольшой группы ученых, труды которых определяют уровень соответствующей отрасли знаний, стал получать многочисленные приглашения на международные встречи историков.

В 60-е и 70-е годы эти встречи стали уже довольно обычными, но выезд за границу по-прежнему был возможен лишь с особого разрешения властей, которые давали его очень неохотно и нередко не считались с приглашениями. Бывало, что организаторы международной конференции приглашали одного советского ученого, а вместо него приезжал другой, иногда и вовсе не ученый.

Анатолий Васильевич охотно принимал приглашения на международные встречи историков, так как понимал, что такие встречи становятся не менее, а может быть, и более важным средством информации научного сообщества, чем традиционная научная статья. В 1965 г. он впервые принял участие в XII Международном конгрессе историков в Вене, а в 1970 г. – в XIII Международном конгрессе в Москве. Позднее, когда ограничения на выезд за границу стали уменьшаться и наконец в годы «перестройки» были полностью отменены, Анатолий Васильевич побывал на многих международных встречах историков – в Париже, Берлине, Лейпциге и других городах. Он с успехом читал лекции в Сорбонне, в университетах Будапешта, Сеграда, Лейпцига и Руана. Его работы публиковались во Франции, Германии, Италии, Португалии, США. Адо вошел в состав редколлегии советского исторического журнала «Новая и новейшая история», французского журнала «Исторические анналы Французской революции» и немецкого журнала «Компаратив».

На кафедре новой и новейшей истории Анатолий Васильевич стал одним из ведущих сотрудников, определявших общее направление научных исследований. Вместе с другими специалистами «галкинского призыва», составившими ядро кафедры, он обновил ее работу и поднял ее научную репутацию. Возглавляя «французскую группу» кафедры, т.е. работавших там франковедов, Адо сумел создать обстановку научной требовательности и в то же время товарищеских отношений преподавателей разных поколений.

С конца 60-х годов Адо много работал в области историографии. Он написал несколько глав в задуманном И.С.Галкиным уникальном издании – учебном пособии по историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки⁶⁰. Созданная большим коллективом историков под общим руководством Галкина, эта работа вышла далеко за рамки учебного пособия, фактически став первым, во многом оригинальным советским исследованием по истории мировой исторической науки. В дальнейшем Анатолий Васильевич участвовал в подготовке всех вариантов этого труда⁶¹, а кроме того, опубликовал ряд специальных работ по историографии. Одним из первых он обратил внимание на очень серьезные перемены, происходившие во французской и мировой историографии в 70-80-е годы. В это время резко упал интерес к социально-экономической проблематике, которая в начале 60-х годов занимала центральное место в исследованиях французских ученых. Внимание историков переместилось в область изучения менталитета, идеологии, коллективной психологии, исторической антропологии. По словам известного французского историка, профессора Ж.Бувье социально-экономические исследования оказались среди «забытых тем»⁶². Перемены такого рода время от времени происходят в историографии любой страны, да и во всей мировой историографии. Отражая движение мысли и новые запросы общества они обогащают науку исследованием новых проблем и новыми методологическими подходами, но, к сожалению, нередко сопровождаются огульным отрицанием прежних работ.

Новые тенденции в науке совпали с глубокими идейно-политическими сдвигами в европейском и американском обществе. Революционные, социалистические и коммунистические идеалы, распространенные в послевоенное время в сознании значительной части французской интеллигенции и всего французского общества, в 70-е и 80-е годы вытеснялись либеральными и консервативными ценностями, критикой социализма и революций. На смену характерному для большинства французских историков преклонению перед Великой французской революцией и вообще перед революциями пришло их осуждение. Некоторые историки начали выступать против традиционного подхода к изучению Великой французской революции как социальной революции, которая привела к разрыву с феодализмом и переходу к капитализму.

Ведущую роль среди сторонников этой так называемой «ревизионистской» интерпретации истории революции играл хорошо известный Анатолию Васильевичу профессор Фюре. Он утверждал, что Французская революция конца XVIII в. не была ни буржуазной, ни антифеодальной и не означала «разрыва» с феодализмом, потому что к началу революции феодализма во Франции уже не было. По его мнению, в конце XVIII в. во Франции произошла не социальная, а «идеологическая и политическая «революция Просвещения», которая не может анализироваться в рамках экономических и социальных противоречий»⁶³. Ее главным достижением Фюре считал «рождение феномена демократии», установление политической свободы, создание новой политической культуры. Руководящей силой революции, с его точки зрения, была не буржуазия как социальный класс, а образованная и воспитанная в духе Просвещения дворянско-буржуазная элита. Народные, в частности крестьянские, массы, проникнутые уравнительными настроениями, выдвигали, по мнению Фюре, архаичные и реакционные требования равенства, мешая тем самым развитию Франции по пути капитализма. Особенно резко Фюре критиковал якобинскую диктатуру, когда революцию, по его выражению, «занесло» в сторону от пути, намеченного либеральной элитой.

Внимательно следя за дискуссиями во французской и мировой историографии, Анатолий Васильевич пришел к выводу, что некоторые прежние представления и оценки историков-марксистов оказались неверными, недостаточными или неточными. Так, например, «большим, чем представлялось, оказывается в XVIII в. проникновение капиталистических форм в аграрную сферу», более тесной является связь либерального дворянства с буржуазией и более значительной – его революционная роль⁶⁴. Однако, по мнению Анатолия Васильевича, «несмотря на далеко зашедший процесс разложения феодализма и заметно ускорившееся в XVIII в. становление капиталистических отношений, нет оснований говорить о «дефеодализации» Франции, свершившейся до революции и помимо нее»⁶⁵.

Неубедительными, с его точки зрения, оставались и утверждения о том, что сохранение и расширение мелкого крестьянского землепользования явились главной причиной замедленного экономического развития Франции в начале XIX в. Напротив, основным тормозом экономического развития, по его мнению, следует считать недостаточную «чистку» земельной собственности от всех остатков сеньориального строя, к которой стремились крестьяне⁶⁶.

Точка зрения Адо нашла поддержку у ряда французских историков, в том числе у Собоуля, который в 1976 г. пришел к выводу, что «крестьянская революция являлась лишь выражением одного из возможных вариантов буржуазной революции»⁶⁷. В своей последней работе – монументальном издании «Цивилизация и Французская революция» (1982 г.) – Собоуль повторил основное содержание своей рецензии на книгу Адо, особо отметив, что, «несмотря на антикапиталистические тенденции, программа мелкого крестьянства объективно не вступала в противоречие с капиталистическим развитием страны»⁶⁸.

Свидетельством международного признания научных заслуг Анатолия Васильевича стал «круглый стол» под названием «О работах Анатолия Адо по истории крестьянских восстаний во время Французской революции», проведенный в рамках международного коллоквиума в Париже в 1987 г. К сожалению, Анатолий Васильевич тогда тяжело болел и не смог приехать на коллоквиум, хотя очень этого хотел

* * *

Сильное воздействие на политические и научные взгляды Адо оказали глубочайшие перемены, которые произошли в СССР и России в 80-е и 90-е годы. Политика «перестройки» социализма, начатая генеральным секретарем ЦК КПСС М.С.Горбачевым, демократизация советского политического режима, а затем падение советской власти, распад СССР, категорическое осуждение коммунизма новым правительством России во главе с Б.Н.Ельциным очень волновали Адо.

Анатолий Васильевич приветствовал «перестройку», установление политических свобод, ликвидацию тоталитарного режима. «Какой же чудовищный античеловеческий режим породила советская действительность после 1917 года»⁶⁹, – написал он в своей рабочей тетради.

Но радуясь успехам демократии, Анатолий Васильевич трезво оценивал обстановку, сложившуюся в России после распада СССР. Он отчетливо видел парадоксальность ситуации: с одной стороны, воцарилась долгожданная политическая и интеллектуальная свобода, с другой стороны, головокружительный рост цен привел к быстрому падению жизненного уровня значительной части населения, причем ученые и преподаватели попали в число низкооплачиваемых профессий. Если раньше профессорская зарплата обеспечивала скромный, но все же достойный уровень жизни, то теперь профессору стало не по карману взять такси, пригласить коллегу в ресторан, подлечиться и отдохнуть в санатории.

Историческая наука в СССР оказалась не только в экономическом, но и в идейном кризисе. Уничтожающей критике со стороны средств массовой информации, власти и общества подверглись ее прежние – марксистско-ленинские – методологические принципы, многие ошибочные или прямо фальсифицированные оценки исторических событий и деятелей, замалчивание или извращение трагических страниц истории СССР и России.

Анатолий Васильевич принимал активное участие в очищении исторической науки от догматизма, вульгаризации, подчинения политике. Он был уверен, что «назрела потребность в новом осмыслении целого ряда проблем истории Французской революции в поисках новых подходов, обновлении проблематики, пересмотре некоторых схем»⁷⁰. Вместе с другими историками он критиковал «упрощенное, прямолинейное применение классового подхода к изучению и осмыслению Французской революции»; «односторонность научной ориентации» на изучение главным образом левых группировок и деятельности «низов»; предлагал пересмотреть прежние идеализированные представления о якобинской диктатуре. Вместе с тем Анатолий Васильевич предостерегал историков от стремления «совершить поворот на 180 градусов», не проводя никаких новых исследований. По его словам, это было бы «повторением не лучших наших традиций, и на смену одним мифам создавать другие, следуя меняющейся политической конъюнктуре»⁷¹.

Главной задачей историков в новых условиях Анатолий Васильевич считал продолжение научных исследований, накопление новых фактов, а также обновление понятийного аппарата и разработку новых исторических концепций. К возникшим перед учеными и преподавателями материальным трудностям Анатолий Васильевич, никогда не имевший ни автомобиля, ни дачи, ни сколько-нибудь значительных сбережений, относился философски, стараясь не отвлекаться от преподавательской и научной работы. Несмотря на свои болезни и тяжелую болезнь жены, он продолжал регулярно работать, уверяя, что занятия в библиотеке для него не работа, а отдых.

Очень большое внимание Адо уделял подготовке к 200-летию Французской революции. Только в 1988–1989 гг. он 13 раз выступал в университетах, научных и педагогических институтах Москвы, Казани, Саратова, Владимира, на международных конференциях в Берлине, Пизе, Лейпциге, Москве. Летом 1989 г. на Всемирном конгрессе историков в Париже, посвященном 200-летию Французской революции Анатолий Васильевич сделал доклад «Французская революция в современной советской историографии»⁷².

В связи с юбилеем он задумал и осуществил не имеющую себе равных в СССР серию публикаций «Великая французская революция. Документы и исследования». В 1985–1992 гг. под его общей редакцией были опубликованы пять монографий, в которых в свете последних достижений науки рассматривались положение и поведение основных классов французского общества накануне и во время революции⁷³, а также роль революционных традиций⁷⁴. Кроме того, под редакцией Адо вышли два тома документов Французской революции⁷⁵. Предназначенные в первую очередь для работы со студентами, они имели и самостоятельное научное значение. Большинство документов впервые публиковалось на русском языке; часть из них вообще ранее не публиковалась.

Для этой же серии Анатолий Васильевич подготовил второе, значительно переработанное и расширенное издание своей книги. Она вышла в 1987 г. под заглавием «Крестьяне и Великая французская революция»⁷⁶. Во втором издании Анатолий Васильевич учел последние результаты научных исследований, уточнил формулировки, расширил фактический материал, переработал введение и заключение. Продолжая считать крестьянское движение частью буржуазной революции, он пришел к мысли о том, что можно говорить и о некоторой автономии крестьянского движения от буржуазии. Основная концепция книги не изменилась. В бумагах Адо сохранился отрывок, где он сам изложил эту концепцию в следующих словах: «Автор поддерживает идею об относительной автономии крестьянского революционного потока относительно буржуазного политического руководства революции. Но он полемизирует с трактовкой «крестьянской революции» 1789–1794 гг. как явления консервативного, архаического по форме и содержанию. В книге Адо обосновывается мысль, что выдвинутая этой революцией своеобразная аграрная программа заключала в себе крестьянскую альтернативу политике умеренной буржуазии, имевшую в исторических условиях эпохи реальный и отнюдь не ретроградный потенциал».

Не прерывая научной работы, Анатолий Васильевич готовил новые учебники и научные пособия. В 1986 г. под его редакцией вышел учебник по новой истории стран Европы и Америки для студентов высших учебных заведений⁷⁷, в котором Анатолию Васильевичу принадлежат многие ключевые разделы. В связи с открытием специализации по политологии на кафедре новой и новейшей истории Анатолий Васильевич взял на себя чтение курса по истории политических учений и с увлечением работал над этой новой для него темой.

Большую радость доставляли ему успехи его учеников – некоторые из них уже стали самостоятельными учеными. Его первая аспирантка, [Т.С.Кондратьева](#), ныне доктор исторических наук, преподает в Парижском университете, доктор исторических наук [С.Ф.Блуменау](#) руководит кафедрой в Брянском государственном педагогическом университете, профессор [З.А.Чеканцева](#) возглавляет кафедру в Новосибирском педагогическом университете. Многие ученики Анатолия Васильевича стали сотрудниками Института всеобщей истории Российской академии наук и кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ.

Своим учителем Анатолия Васильевича считали и многие историки, никогда не посещавшие его лекций и семинаров, но знакомые с его работами или состоявшие с ним в переписке.

В последние годы жизни Анатолий Васильевич собирался расширить тематику своих исследований и написать работу о контрреволюционных крестьянских движениях во Франции, но не успел этого сделать. Его здоровье постепенно ухудшалось. После инфаркта в 1979 г. он перенес еще два инфаркта, правда, не таких тяжелых; постоянно носил с собой лекарства, часто недомогал, но сохранял бодрость и не любил говорить о своих болезнях. Обычно часть летнего отпуска Анатолий Васильевич вместе с женой проводил в санатории, но в 1995 г. сделать этого им не удалось: путевки стали слишком дорогими для профессора и его семьи. Анатолий Васильевич съездил в Казань, побывал там на могиле матери и отпраздновал 90-летие отца, но чувствовал себя очень уставшим.

1 июля 1995 г. он вместе с женой был в гостях у старого друга, который отмечал свое 70-летие. Юбилей прошел очень весело, Анатолий Васильевич шутил и смеялся. К вечеру гости стали расходиться. Часть из них стояла у подъезда, на улице, ожидая остальных. Анатолий Васильевич вышел последним, улыбаясь подошел к ожидавшим его друзьям и вдруг внезапно упал на спину, как сраженный пулей. Друзья бросились к нему, но он был уже мертв. Тромб закупорил аорту и вызвал мгновенную смерть.

Через несколько дней мы хоронили Анатолия Васильевича. Проститься с ним пришли сотни людей. Соболезнования посольства Франции в России выразила супруга французского посла госпожа О.Морель. Многие крупные французские историки, в том числе председатель международной комиссии истории революции профессор М.Вовель, директор Института истории французской революции профессор К. Дюпра, сопредседатель Общества робеспьеристских исследований профессор Ж.-П.Берто, администратор Дома наук о человеке профессор М.Эмар, профессор Руанского университета К.Мазорик прислали письма и телеграммы соболезнования семье и коллегам Адо. Все они отмечали большие научные заслуги Анатолия Васильевича как «крупнейшего историка Французской революции»⁷⁸, высоко оценивая его труд, «ставший фундаментальным для осмысления революционных процессов XVIII в.»⁷⁹, подчеркивали, что «не смогут забыть всего того, чем обязаны трудам профессора Адо по истории крестьянского движения»⁸⁰. Пожалуй, наиболее емко оценил роль Анатолия Васильевича Адо его давний знакомый и постоянный оппонент профессор Фюре. «Профессор Адо был одним из блестящих специалистов по истории Французской революции и останется в памяти французских историков как один из наиболее выдающихся представителей русской историографической школы»⁸¹, – говорилось в его послании.

Жизненный путь Анатолия Васильевича оборвался. Остались лишь память о нем, его труды и его ученики.

Примечания

1. Некролог на смерть А.В.Адо см. Новая и новейшая история, 1995, № 6.
2. Автор благодарит семью А.В.Адо, предоставившую ему возможность познакомиться с неоконченными воспоминаниями В.И.Адо и другими материалами о родных и близких А.В.Адо.
3. *Адо В.И.* Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента XX века. Казань, 1992, с. 9 (машинопись).
4. В советское время из семьи Адо вышло несколько крупных ученых. Двоюродный брат Анатолий Васильевича по отцовской линии, академик Медицинской академии наук Андрей Дмитриевич Адо стал одним из основателей советской школы изучения аллергических заболеваний; его брат, доктор физико-математических наук Игорь Дмитриевич Адо, прославил свое имя доказательством теоремы, которая названа «теоремой Адо». Другой двоюродный брат А.В.Адо по линии отца – доктор физико-математических наук Юрий Михайлович Адо – один из организаторов строительства самого крупного советской ускорителя элементарных частиц в Протвино (около Серпухова). Двоюродный брат Анатолия Васильевича по материнской линии, доктор исторических наук Вадим Павлович Иерусалимский, известен как один из лучших специалистов по истории Германии.
5. Автор благодарит доцента Казанского государственного университета В.С. Королева, поделившегося с ним своими воспоминаниями и материалами о жизни В.И. Адо.
6. *Адо В.Я.* пережил три революции. – Известия Татарстана, 21 .II. 1995.
7. *Шофман А.* Лекция, учебник, студент. – Советская Татария, 18.11.1966.
8. См. *Шофман А.* Секреты мастерства. (К 80-летию В.И.Адо). – Ленинец, орган Казанского государственного университета, 25.11.1985; *Королёв В.С.* Историк Василий Иванович Адо. – Историческая наука в Татарстане. Казань, 1996.
9. *Кокорина Н.* Ветеран (К 80-летию А.М.Ефимовой). – Вечерняя Казань, 17.V. 1983.
10. *Адо В.И.* Я пережил три революции...
11. *Королев В.* Теоремы и аксиомы династии Адо. (К 90-летию В.И.Адо). – Казанский университет, № 7, апрель 1995.
12. Письмо В.С.Королева автору от 20 октября 1995 г.
13. Там же.
14. *Гудкова В.* Нетленна память юности. - Советская Татария, 25.VI. 1981.
15. *Адо В.И.* Я пережил три революции...
16. *Кокорина Н.* Указ. соч.
17. Запись в рабочей тетради А.В.Адо от 7 августа 1988 г.
18. Автор благодарит сокурсников Анатолия Васильевича – В.М.Москович, В.А.Федорова, Д.К.Шелестова, Е.Ф.Язькова, которые поделились с ним своими воспоминаниями.
19. В 1937 г. численность заключенных в системе ГУЛАГа составляла 1 196369 человек, в 1945 г. – 1460677, а в 1953 г. – 2468524 человека. См.: *Земсков В.Н.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные. – История СССР, 1991. № 5, с. 152; Вклад заключенных в победу в Великой Отечественной войне. – Новая и новейшая история. 1996, № 5.
20. Подробнее см. *Костырченко Г.В.* Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР. – Вопросы истории, 1994, № 8.
21. *Щеглов М.* Студенческие тетради. М., 1973, с. 53.
22. *Чуковский К.* Из дневника 1932–1969. – Знамя, 1992, № 11, с. 170.
23. Е.В.Тарле был действительным членом Академии наук СССР и Норвежской академии наук, членом-корреспондентом Британской академии для поощрения исторических, философских и филологических наук, почетным доктором университетов Парижа, Брно, Праги, Осло и Алжира.
24. *Оболенская С.В.* Человек, обладавший даром привлекать сердца. – Французский ежегодник 1981. М., 1983, с. 159.
25. Памяти А.З.Манфреда. – Французский ежегодник, 1976. М., 1978, с. 12.
26. *Поршнева Б.Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.-Л., 1948, с. 4.
27. Там же.
28. Памяти А.З.Манфреда, с. 24.
29. Некролог на смерть И.С.Галкина см. Новая и новейшая история, 1990, № 4, с. 233–234; Вестник Московского университета. Серия 8. История, 1990, № 5, с. 78.
30. Запись в рабочей тетради А.В.Адо от 15 апреля 1992 г.
31. *Адо А.В.* Из истории крестьянского движения в первые годы Французской буржуазной революции конца XVIII века. – Вестник Московского университета. Серия историческая, 1956, № 4.
32. *Адо А.В.* Крестьянские восстания в начале французской революции. - В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память академика Тарле. М., 1957; его же. Аграрное законодательство Учредительного собрания и крестьянское движение во Франции в 1790 г. – Новая и новейшая история, 1957. № 2.
33. *Адо А.В.* Из истории крестьянского движения..., с. 42.
34. *Адо А.В.* Крестьянские восстания в начале французской революции..., с. 168.

35. Правда, 4.IV.1953.
36. Правда, 10.VII.1953.
37. Материалы о группе Краснопевцева были впервые опубликованы только в 1994 г. См. «Дело» молодых историков. – Вопросы истории, 1994, № 4, а также: *Пушкарь Д.* Оттепель, которой не было. – Московские новости. 28.V. 1995.
38. См. «Дело» молодых историков, с. 113–116.
39. Письмо А.В.Адо М.А.Лебедевой от 16 декабря 1962 г.
40. Письмо А.В.Адо М.А.Лебедевой от 26 ноября 1962 г.
41. Письмо А.В.Адо М.А.Лебедевой от 31 октября 1962 г.
42. Письмо А.В.Адо М.А.Лебедевой от 25 октября 1962 г.
43. *Адо А.В.* Вступительная статья. – В кн.: *Собуль А.* Из истории Великой буржуазной революции 1789–1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960, с. 15–21.
44. Письмо А.В.Адо М.А.Лебедевой от 8 июня 1963 г.
45. Краткий отчет о защите см. Новая и новейшая история, 1968, № 5, с. 188–189.
46. См. *Адо А.В.* Крестьянское движение во Франции накануне и во время Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. М., 1968, с. 12–13 (Автореферат докт. дисс.)
47. Там же, с. 30.
48. Там же, с. 31.
49. Там же, с. 11.
50. Там же, с. 32–33.
51. *Адо А.В.* Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII в. М., 1971.
52. Список печатных трудов А.В.Адо см. Вестник Московского университета. Серия 8. История, 1996, № 5.
53. Новая и новейшая история, 1972, № 3, с. 182–184.
54. Вопросы истории, 1972, № 5, с. 178.
55. The American Historical Review, v. 80, № 1, February 1975, p. 124.
56. *Soboul A.* Sur le mouvement paysan dans la revolution francaise. A propos d'une these recente. – Annales historiques de la Revolution francaise, № 211, janvier-mars 1973, p. 85–101.
57. Ibid., p. 87.
58. Ibid., p. 97.
59. *Ado A.* Paysans en revolution. Terre, pouvoir et jacquerie. 1789-1794. Paris, 1996.
60. Историография нового времени стран Европы и Америки. Учебное пособие для университетов и пединститутов. М., 1967.
61. Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Учебник для студентов исторических факультетов университетов. М., 1977; Историография истории нового времени стран Европы и Америки. Под редакцией профессора И.П. Деметьева. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений по специальности «история». М., 1990.
62. L'Histoire en France. Ouvrage collectif. Paris, 1990, p. 62–63.
63. *Furet F.* Penser la Revolution francaise. Paris, 1978, p. 40. (Рус. пер.: Фюре Ф. Постигание Французской революции. СПб., 1998.)
64. *Адо А.В.* Великая французская революция и ее современные критики. – В кн.: Буржуазные революции XVII–XIX вв. в современной зарубежной историографии. М., 1986, с. 109.
65. Там же, с. 112.
66. Там же, с. 117–118.
67. *Soboul A.* Problemes paysans de la revolution. (1789–1848). Paris, 1976, p. 440, 134.
68. *Soboul A.* La civilisation et la revolution francaise, v. II. Paris, 1982, p. 301.
69. Запись в рабочей тетради А.В.Адо от 6 ноября 1988 г.
70. *Адо А.В.* Место Французской революции в процессе перехода страны от феодализма к капитализму. – Новая и новейшая история, 1989, № 3, с. 17.
71. *Адо А.В.* Выступление на международной научной конференции в Москве. – В кн.: Великая французская революция и современность. Материалы международной научной конференции 23–24 ноября 1988 г. М., 1990, с. 139, 140–142. 149.
72. *Ado A.* La revolution francaise dans l'historiographie sovietique actuelle. – In: L'image de la revolution francaise, v. II. Paris, 1989. p. 1197–1202.
73. *Кожокин Е.М.* Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года. М., 1985; *Пименова Л.А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986; Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989.
74. *Смирнов В.П., Посконин В.С.* Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789–1989. М., 1991.
75. Документы истории Великой французской революции, т. 1–2. М., 1990–1992.
76. *Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789–1794 гг. Изд. 2-е изд., дополненное и переработанное. М., 1987.
77. Новая история стран Европы и Америки. Первый период. Под редакцией профессора А.В. Адо. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «история». М., 1986.
78. Телеграмма профессора М.Вовеля от 3 июля 1995 г.
79. Телеграмма профессора К.Дюпра от 3 июля 1995 г.
80. Телеграмма профессора Ж.-П.Берто от 3 июля 1995 г.
81. Телеграмма профессора Ф.Фюре от 5 июля 1995 г.